

**МИКРОДИАХРОНИЧЕСКИЕ СДВИГИ
В УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ
И. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»)***

Я. Э. Ахапкина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
yakhapkina@hse.ru

Аннотация. В статье описаны случаи несовпадения нормы XIX века с современной в области употребления глагольных форм. На материале повести И. С. Тургенева «Ася» анализируются аспектуально-темпоральные и сочетаемостные особенности глаголов. Словоупотребление Тургенева рассматривается на фоне данных Национального корпуса русского языка и с учетом результатов опроса лицеистов-старшеклассников. Обосновывается разработка корпуса русского языка XIX века, который позволит отслеживать микродиакронические изменения в словоупотреблении.

Ключевые слова: аспектуально-темпоральная семантика, глагольная сочетаемость, традиционная речевая норма, современный узус.

Microdiamonic shifts in the use of verbal lexicon (on the material of Ivan Turgenev's novel 'Asya')

Ya. E. Akhapkina

National Research University 'Higher School of Economics', Moscow
yakhapkina@hse.ru

Abstract. The article describes cases of discordance between the 19th-century and modern norms of verb-form use in Russian.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах»).

Aspectual-temporal and collocational properties of verbs found in Turgenev's short novel "Asya" are compared against data from the Russian National Corpus and from a survey held among high school students. The paper substantiates a need for developing a corpus of the 19th century Russian as an instrument to follow micro-diachronic word-use changes across the two centuries. The study continues efforts to create, mark, and analyze a collection of corpora of unconventional Russian speech. Its findings show that the established differences between the old and the new norms would make it difficult for an uninformed present-day reader to understand old texts. This study is a part of research aimed to find out the degree of readability/understandability of old text sources for modern readers. The paper demonstrates constructions and word-forms that modern students usually fail to recognize and thus misinterpret texts. The paper describes cases of misunderstanding when modern readers confront words like *lyubopytnyy* 'curious', *zamechatelnyy* 'remarkable, excellent' used in their old meanings (*zamechatelnye pamyatniki* 'remarkable monuments', *zamechatelnye sobraniya* 'remarkable collections', using additional data from "The History of Words" by V. V. Vinogradov. The paper comments on the semantic evolution of the verb pair *pryast* — *pryadat (ushami)* 'move one's ears', analyzes verb-dependent variations of nominal cases, discusses aspectual and temporal correlations of verbs within one utterance, and comments on the lexical and grammatical features of the Turgenev's text that have drawn the students' attention. Our questionnaire asked the consultants to translate an old phrase "from Russian into Russian" (i.e., to rewrite the phrase, replacing an old word or construction by a modern one with the same meaning). In the course of the exercise, the consultants tended to correct both peculiar features of the writer's own style involving indirect word use as irony or metaphors and common language phrases that have disappeared from active use by the 21st century. The results show that, in modern Russian, as a rule, more specific nominations cede place to more abstract ones.

Keywords: aspectual-temporal semantics, collocations of verbs, traditional speech norms, modern usage.

1. Постановка задачи

Тексты XIX века, как показало исследование Е. В. Рахилиной и соавторов, проведенное на материале одного из самых близких к современности по строю речи романов — романа М. Ю. Лермонтова

«Герой нашего времени», — содержат не менее 20% слов и конструкций, подвергшихся за истекшие с момента создания текста полтора столетия переосмыслению, видоизменению и функциональной трансформации, вплоть до вытеснения из активной речи [Рахилина и др. 2016а, б; 2017а, б]. Эти изменения затрагивают лексическую и грамматическую составляющие высказывания, проявляются в выборе слова и конструкции. Так, по наблюдениям исследователей, не характерны для современной речевой практики, включая и поэтически маркированные тексты, глагольные конструкции с префиксами и предлогами следующего вида: *нырнуть из-за X* (*нырнул из-за куста*; ср. современное *вынырнул из-за куста* при норм. *нырнул за куст*), *копыта оборвались с X* (*Задние его копыта оборвались с противоположного берега*; ср. современное *сорвались* при норм. *веревка оборвалась*), *подбавить X* (*Не хотите ли подбавить рому?* — в чай без рома, ср. современное *добавить* (ром к чистому чаю) при нормативном, хотя и разговорном, *подбавить*, если в напитке ром изначально присутствовал). Внимание к подобным явлениям микросинтаксиса¹ позволяет проследить, как меняется речевая практика и какие черты отличают язык позапрошлого столетия от языка современности.

Микродиахроническими называются «небольшие семантические сдвиги, изменения в лексике и словообразовании, управлении, порядке слов и проч., а также в слабо-композициональных и идиоматичных конструкциях разного рода» [Рахилина 2017а: 384], происходящие на протяжении сравнительно небольшого, по меркам истории языка, периода длиной в одно-два столетия.

¹ О явлении микросинтаксиса, требующего тонких инструментов лексико-грамматического анализа, и понимании термина см. лекцию Л. Л. Иомдина «Микросинтаксис русского языка» (электронный образовательный ресурс «Постнаука»), URL: <https://postnauka.ru/video/49441>: «В русском ... есть ... два синтаксиса. Это главный синтаксис, который описывает небольшое количество базовых синтаксических конструкций, например конструкции типа *подлежащее плюс сказуемое* либо *определение плюс существительное*: *красный мяч, большой дом* и т. д. Это базовые конструкции, их немного, но они описывают основную часть языка. И есть мелкие конструкции, которые описывают не базовую часть языка, а конкретную вещь. Но именно они являются наиболее сложными, а кроме того, они очень плохо описаны в традиционной лингвистике. Почему это происходит? Потому что они находятся на стыке словаря и грамматики. Грамматисты их, может быть, и упоминают, а у словарников не доходят руки до того, чтобы их подробно описать».

Материалом дальнейшего исследования послужил текст повести И. А. Тургенева «Ася». Информантам-старшеклассникам было предложено выявить слова и выражения, не входящие в практику активного употребления, и привести их аналоги, принадлежащие современному узусу. Часть расхождений относится к функционированию глагольных конструкций: *я вмешался в толпу* (ср. *смешался с толпой*); *женская фигура ... поместилась на уступе стены* (ср. *разместилась* с иным семантическим акцентом и *уселась*, отсутствующее в авторских вариантах и в авторитетных изданиях, включая отмеченные справочным аппаратом разночтения, но по недоразумению попавшее в электронные версии текста, см. текст в Национальном корпусе русского языка:

Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и уселась на уступе стены, прямо над пропастью. — А ведь это Ася! — воскликнул Гагин, — экая сумасшедшая! Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. [И. С. Тургенев. Ася (1858)]; мы уместились на лавочке; спросил еще кружку (ср. *попросил*).

В задачу исследования входят фиксация и комментирование некоторых расхождений классического текста с представлениями современного носителя о норме русского литературного языка и о современном речевом стандарте. Практическим выходом исследования становится размеченный в соответствии с выявленными расхождениями корпус классических текстов, позволяющий видеть общую картину малых изменений в лексической и грамматической структурах языка.

Такая постановка задачи базируется, с одной стороны, на традиционном представлении о том, что норма как опора литературного языка формируется на базе классических источников (художественных, публицистических, научных текстов авторитетных авторов), которые становятся основой кодификации. Такой норме, с учетом функциональных стилистических и регистровых особенностей, обучает школа, такая норма транслируется ориентированными на речевой стандарт средствами массовой информации в тех случаях, когда проблема нормы рефлексирована изданием или медийным ресурсом иного типа, такая норма ложится в основу употребления языковых средств в тех случаях, когда язык функционирует

в качестве государственного. С другой стороны, стандартизованный вариант речи меняется со временем, и сдвиг допустимых употреблений осознается говорящим: устарелость, архаичность, книжность слова или конструкции опознается при чтении. При этом в сознании носителя языка, завершающего обучение в школе, естественным образом формируется представление о норме, своего рода стереотип, источниками которого становятся не только (и даже не столько) авторитетные литературные тексты, включая современные, сколько речевая среда, синтезирующая жанры и регистры, часто выходящие за пределы собственно литературного языка. Таким образом, стереотипное представление о речевом стандарте в целом может быть демократичнее кодификаторов, хотя в отдельных случаях, напротив, способно включать более категоричные запреты, чем того требует рекомендательная норма.

2. Семантические сдвиги в диахронии

Семантический сдвиг характеризуется, в частности, вытеснением из активного употребления в речи носителей языка отдельных значений многозначного слова. Так, зафиксированное в качестве второго значения прилагательных *любопытный* и *замечательный* толкование 'достойный внимания, интересный, примечательный' [МАС] не вполне характерно для живой речи и слабо опознается молодым читателем (в опросе принимали участие 47 московских лицеистов-старшеклассников, среди предложенных ими толкований указанных прилагательных встретились 'красивый, популярный'). Для интерпретации предлагался фрагмент повести И. С. Тургенева «Ася», задание формулировалось так: *Отметьте, пожалуйста, слова и выражения, которые не встречаются Вам в современной речи. Подберите более привычные выражения с тем же смыслом.*

- (1) *Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел **любопытные памятники, замечательные собрания**, один вид лон-лакея возбуждал во мне ощущение тоски и злобы...*
[И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Комментируя пример (1), информанты высказывали удивление: *когда вообще говорили, что памятники могут быть любопытные???* Компенсации дефицита пассивного словаря, демонстрируемого этим комментарием, служит электронный ресурс «Корпус XIX

века» URL: http://www.web-corpora.net/19thcentury/, фиксирующий несовпадения употреблений речевых единиц в текстах ушедшей эпохи и современного дискурса.

В. В. Виноградов в этюде, посвященном прилагательному *замечательный* [Виноградов 1999 (конец 1930-х гг.)], отмечает, что современное экспрессивно-оценочное употребление ‘необыкновенный’ и ‘превосходный’, зафиксированное в словаре Д. Н. Ушакова, наследует серии более ранних, демонстрирующих последовательные семантические смещения. Диапазон смещений следующий: от этимологического состава глагольной пары *замечать* — *замечать* ‘ставить мету’ к ‘поставить на вид’, ‘обратить внимание’, затем — ‘выделить’ и ‘распознать’, откуда у производного *замечательный* появляется значение ‘внимательный, наблюдательный’ и субъективно-оценочное пассивное ‘заслуживающий внимания’.

Архаизация значения полисеманта легко проверяется. Обращенная к информантам (студентам-филологам и лицеистам) просьба восстановить пропуск в примере (2) привела к перечислению ряда глаголов, фиксируемых и в Национальном корпусе русского языка в аналогичных контекстах, но не к реконструкции источника.

- (2) *На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже ... толп... зрителей* (‘присоединившись, стал частью толпы, затерялся в ней’). *Мне было весело смотреть на лица студентов...* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Так, в толпу можно *попасть, проникнуть, войти, пойти, шагнуть, побежать, вступить, прыгнуть, нырнуть, скользнуть, юркнуть, шмыгнуть, погрузиться, влиться, влететь, полезть, направиться, устремиться, ринуться, кинуться, броситься, ворваться, протиснуться, втиснуться, втесниться, затесаться, втереться*. С толпой можно *слиться, соединиться, смешаться*. Выявленные глаголы в разной мере демонстрируют акцентирование способа проникновения лица в группу лиц, интенсивности этого действия, преодолеваемых сложностей (тесноты, скученности), намерения (скрыться), меры соединенности с толпой и под. Паронимичный варианту источника глагол *смешаться* в современной речи склонен к употреблению в контексте 3 л. мн. ч. субъекта действия, хотя в истории языка допускал употребление с 1 л. ед. ч.

Употребленный И. С. Тургеневым глагол *вмешаться* <в толпу> информантами не назывался. Его вытеснение из активной речевой практики отражено в группе словарей [Ушаков 1935–1940; Евгеньева 1970; Ожегов 1986 (1949); Александрова 1986 (1968); Абрамов 1999 (1900, 1915); Апресян 2014], но не нашло отражения в альтернативной лексикографической ветви, восходящей к МАС [Кузнецов 1998; Бабенко 1999; Ефремова 2000; Ожегов, Шведова 2010]. НКРЯ фиксирует 26 употреблений выражения, в частности Ф. М. Достоевским, А. К. Толстым, Д. Н. Маминым-Сибиряком, В. В. Вересаевым, Л. Н. Андреевым.

В ходе исследования обнаружена немотивированная правка, осовременивающая пример (3).

- (3) ...мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и **поместилась** на уступе стены, прямо над пропастью. [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Источники [Тургенев 1858; 1978; 1980а, б] не фиксируют замены глагола *поместиться* глаголом *усесться*, не встречается и не комментируется эта замена в указанных разночтениях автографов, однако последний вариант транслируется в электронных публикациях повести, включая версию НКРЯ.

Семантическому сдвигу подверглись употребления, среди которых обнаруживаются как признаваемые словарями архаизмы — пример (4) и авторские употребления, ср. *мертвенная тяжесть разрешилась в жгучее волнение*, так и полисеманты, в частности формирующие архаичные коллокации, переосмысленные за прошедшие с момента публикации источника 160 лет и создающие определенные сложности для молодого читателя, но не зафиксированные словарями: *уместиться на лавочке* (о человеке), *повернуть тайну*, *разбирала досада*, *переменить разговор* и под.

- (4) Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне ее бежал ручей и шумно **прядал** через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за темной гранью круто рассеченных горных гребней. [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Глагол *прядать* (несовершенный вид к *прянуть*) сохранился в составе фразеологизма *прядать ушами* ‘двигать, поводить’, вариант — *прясть ушами* [МАС] (вопреки мнению школьника 1950-х,

пуристически настаивающего на форме *воспрянул* из-за незнакомства с омонимичной парой *прясть шерсть* — *прясть ушами*, см. пример (5)). Значение ‘прыгать, скакать, падая, отскакивать, метаться в сторону, шевелиться’, еще фиксируемое с пометами *устаревшее* и *областное* в [Ушаков 1935–1940], из обихода вытеснено. Согласно данным Национального корпуса русского языка, в исходном значении глагол употребляется до середины XX века (в этот период еще *прядают* — всем телом, корпусом — не только *кони*, но и *рыбы, собаки, вороны, корабли*), заметно редая уже в первой половине столетия и уступая место фразеологизованному употреблению *прядать ушами*. Косвенным образом осознание первичного значения носителем из интеллигентной семьи в середине XX века поддерживается воспоминанием:

- (5) «*Воспрял духом*» — *в первый раз я услышал это на уроке истории в 1950 г. и был покороблен: ведь «прянуть» — от «прядать», а не «прясть».* [М. Л. Гаспаров. Записи и выписки (2001)]

Восполнить пробел, связанный с неполной ясностью для современного читателя словоупотребления в классических текстах, призван электронный ресурс «Корпус XIX века», снабженный системой помет, отражающих тип грамматической трансформации конструкции и семантического сдвига лексемы. Материалы корпуса могут служить основой для словаря вытесненных из активной речевой практики значений полисемантов.

Несовпадение классического и современного понимания, в частности, глагольного словоупотребления связано с трактовкой грамматической семантики, как семантики морфем, так и семантики конструкций (глагола и его зависимых). В примере (6) конкурируют конкретно-процессное (ср. соотносительное по виду и уместное в контексте примера (6) *заговорила* — в конкретно-фактическом значении совершенного вида), неограниченно-кратное и обобщенно-фактическое значения словоформы глагола несовершенного вида:

- (6) *Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей: — Ася, полно ежиться! он не кусается. Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Отметим, что глагол *заговаривать* претерпел и более ранние изменения в истории языка. В значении ‘вступать в разговор’,

‘начинать говорить’ он сменил управление. В XVIII веке нормативно ушедшее сейчас управление *заговаривать кому о чем*, современная норма закрепила другой, тоже существовавший в XVIII веке вариант: *заговаривать с кем о чем*.

При употреблении в наиболее спорном для рассматриваемого контекста конкретно-процессном значении (на первый взгляд, недопустимом для *-ва*-глагола, претендующего на реализацию семантики многократности) передается идея единичного действия, ср. сходную аспектуально-темпоральную семантику первичных и вторичных глаголов несовершенного вида:

(7а) *Спустя минуту уже бежала ко мне, пела для меня, глядела мне в глаза².*

(7б) *Спустя минуту уже забегала ко мне, запевала для меня, заглядывала мне в глаза.*

В этой трактовке высказывание читается как ‘уже сама обращалась ко мне’, ‘сама заводила беседу’, что может быть интерпретировано не только как повторяемое, но и как однократное действие с акцентом на его протяженности, и такое употребление для современного узуса не вполне характерно, архаично. Однако в прошедшие эпохи оно реализовывалось:

(8) *Балашовъ увѣдомлялъ меня, что онъ по желанью моему заговаривалъ о семь однажды, но государь промолчалъ.* [А. С. Шишков. Письма жене (1813–1814)]

(9) *Я сам впервые вижу такого! — воскликнул, смеясь, Балдай. Он заговаривал теперь с возжаком точно так же, как заговаривал в Андреевском во время обедни с Верстаном.* [Д. В. Григорович. Переселенцы (1855–1856)]

Лексические маркеры временной локализованности *однажды* и *теперь* снимают возможность прочтения примеров (8–9) в обобщенно-фактическом значении, для которого «оказывается несущественным, является ли действие единичным или повторяющимся, длительным или кратным» [Бондарко 1971: 28].

Неограниченная кратность предполагает поддержку в контексте, например при помощи лексических маркеров повторяемости:

² Без атрибуции в скобках даны сконструированные примеры.

(10) *Я несколько раз заговаривал с ней об ее жизни в России, о ее прошедшем: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

(11) *В течение дня он не раз заговаривал со мною, услуживал мне без раболепства, но за барином наблюдал, как за ребенком.* [И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч (1847)]

(12) *Вольницев сидел, по обыкновению, возле нее и время от времени принужденно заговаривал с нею.* [И. С. Тургенев. Рудин (1856)]

Значение неограниченной кратности может быть поддержано множественным адресатом (регулироваться числом участников ситуации):

(13) *В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково. Он припомнил теперь это, но ведь так и должно было быть: разве не должно теперь все измениться?* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

(14) *Глуп, скажу я вам, один, как пара купеческих лошадей, а изволили бы вы поглядеть, как снисходительно он с нашим братом заговаривает, как великодушно изволит улыбаться на любезности наших голодных матушек и дочек!* [И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)]

В отсутствие такой поддержки маркером кратности остается суффикс *-ва-*, успешно реализующий и значение протяженности однократного действия, что обуславливает полисемичность аспектуально-темпоральной трактовки словоформы в контексте.

Обобщенно-фактическое значение ярко проявляется в контексте отрицания:

(15) *«Ну, — думаю я, — лучше не стану я с ним заговаривать: вишь, он сегодня что-то того, нездоров, должно быть».* [И. С. Тургенев. Три встречи (1852)]

Однако может быть реализовано и в отсутствие негации, без акцентирования длительности процесса, при «общем указании на самый факт наличия ... действия» [Бондарко 1971: 28]:

- (16) *Заметил я, во время отлучки твоей, что Гориславская не равнодушна к офицеру; старая барыня смотрит на это ласково и уж до тебя **заговаривала** мне, хоть на попятную.* [И. И. Лажечников. Вся беда от стыда (1858)]

Таким образом, сама множественность аспектуально-темпоральной трактовки ранжирует интерпретации употребления от более архаичных (конкретно-процессной и отчасти общефактической в отсутствие негации) к более актуальным в современном восприятии (неограниченно-кратной).

Противоположная диахроническая мена аспектуальных показателей наблюдается в контексте с показателем *когда* в случае представления многократного действия (конкурируют неограниченно-кратное значение несовершенного вида и наглядно-примерное совершенного):

- (17) *Гагин находился в том особенном состоянии художнического жара и ярости, которое, в виде припадка, внезапно **овладевает дилетантами**, когда они вообразят, что им удалось, как они выражаются, «поймать природу за хвост».* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

В современном узусе предпочтителен несовершенный вид и настоящее время: *когда они вообразают* (хотя совершенный возможен: *Мужчина **вообразит** что хочет — целый мир — и делает с ним в воображении что хочет... манипулирует... — В воображении-то ты все можешь, — сказала она. — Я и говорю...* [Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)]). Ср. **пронесутся, *попадет* в примерах (18–19), которые изменили бы модальную семантику высказывания:

- (18) *Самому **не нравится**, когда машины проносятся близко.* [коллективный. АВТОтема (всё про автомобили) (2015.03.25)]
- (19) *В фэнтези нередко **изображается ситуация**, когда художник **попадает** в пространство своего творения.* [Иеромонах Димитрий (Першин). Волшебные миры в пространстве Евангелия (2015.08.26)]

Однако жесткого запрета в других контекстах может не быть, совершенный вид допустим, причем не только в отношении

действий в прошлом, но даже в футуральном плане, хотя и носит оттенок архаичности. Современная норма в этом случае отдает предпочтение союзу *если*.

Для прошедших эпох совершенный вид вполне типичен:

- (20) *Когда человекъкъ вспомнить, что видѣлъ работу несовершенну, то оная ему въ то время не будетъ нравиться, какъ поспѣть* [С. С. Волчков. Придворной человекъкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)]

Другим примером переосмысления аспектуально-темпоральных особенностей употребления становится глагол *обратиться* (ср. также *обратить взгляд, взор, глаза*). В значении ‘повернуться’, ‘устремиться’ сочетаемость с лексическим показателем длительности для него нетипична:

- (21) *Медленно обратились ко мне ее темные глаза.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]

Так, в Национальном корпусе русского языка фиксируются только 3 примера такой сочетаемости в прозе И. С. Тургенева, один — в современной прозе, а выдача поискового механизма дает всего 16 примеров из современного интернет-узуса, преимущественно из стилизованного под классическую прозу.

- (22) *... под влиянием его упорного взора глаза ее, устремленные на сцену, медленно обратились и остановились на нем...* [И. С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)]
- (23) — *И я, — прибавила Марианна, показавшись на пороге двери. Соломин медленно обратился к ней. — Я бы вам не советовал, Марианна.* [И. С. Тургенев. Новь (1877)]
- (24) *Светлые глаза капитана медленно обратились к нему, и лейтенант вдруг вспомнил о слухах, ходивших про Верзилу, будто он берсерк и иногда превращается в медведя.* [Елена Хаецкая. Хальдор из светлого города (1997)]

Соответственно, эта сочетаемость не сохранила актуальности. Как правило, с глаголом *обратить(ся)* сочетается противоположный длительности семантический маркер: *поспешно, быстро, не-медленно, мгновенно, стремительно, скоро*. Эта сохранившая актуальность сочетаемость фиксируется и в XIX веке:

- (25) *Взоры всех мгновенно обратились на боярина Иоанна.*
[Н. А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)]

Третью иллюстрацию переосмысления глагольной семантики представляет собой выражение *вызвать улыбку на* + *Вин. пад.* Для современного узуса типично в этом речевом обороте управление предложным падежом *на губах, устах, лице* (современный поисковый механизм Google предлагает 437 употреблений предложного падежа, из них 89 «на губах», 138 «на устах», 210 «на лице» при редких употреблениях винительного, чаще в классических текстах: 2 «на губы», 13 «на уста», 17 «на лицо»). Однако предложному управлению предшествовало управление винительным:

- (26) — *Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на ее губы.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]
- (27) *Это воспоминание вызвало улыбку на личико Сони и смягчило ее.* [Максим Горький. Свадьба (1896)]
- (28) *«Кто осушил слезы на лице ребенка и вызвал улыбку на его уста, тот в сердце милостивого Будды достойнее человека, построившего самый величественный храм».* [А. И. Куприн. По заказу (1901)]

В современном узусе встречаются единичные аналоги с другим контекстным окружением:

- (29) *Внимание, вопрос: какие процессы (воздействие каким полем) могут вызвать испарину на пробирки с водой?* [Научно-технический форум, 9.02.2009]

Современная конструкция *вызвать улыбку на губах* с предложным падежом сопоставима с аналогами *вызвать огоньки в глазах, складки на лбу*. В современной речи *вызывают усмешку, гримасу, морщины, испарину, искорки на/в + предл.* Такое управление не следует буквальному — каузации пациенса или адресата, предполагающей управление винительным падежом:

- (30) *Потом он вызвал желающих на сцену и стал их гипнотизировать.* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010]

Ср. употребление с предложным падежом на первом шаге удаления от буквального прочтения глагола при внутреннем объекте

(и имплицитном носителе эмоции) в результате метонимического переноса: **вызвать недоумение на сцене, в зале:**

- (31) *Эта сентенция **вызвала смех на скамьях** левых.* [Неизвестный. Забастовка журналистов в Германии (1908.03.21) // «Русское слово», 1908]

Для передачи семантики места / направления и цели употребляется винительный, а не предложный падеж: *вызвать (пригласить, направить кого куда) — врача на дом, подчиненного на ковер, полк на площадку, кухарку на лестницу, инспектора на мостик, огонь на себя.*

Для передачи семантики места и результата — предложный, а не винительный:

- (32) *Стрельба **вызвала панику на асфальте во дворе.*** [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]

Ср. *вызвать (породить, стимулировать что где) — царапину на эмали, пожар на аэродроме, лавину на леднике, эпидемию на территории противника, полемику на страницах журналов, протест на улицах, одобрение на Западе, ажиотаж на рынке.*

Речение *вызвать улыбку на лицо* с семантикой цели и винительным падежом управляемого компонента сопоставимо с буквальным употреблением: *вызвать желающих на сцену, мастера на дачу, людей на площадь* (вызвать¹, помимо директивной зависимой, в современном узусе управляет словоформой, выражающей семантическую роль пациенса или адресата), ср. однако в речи XIX–XX вв.:

- (33) *...Сто любопытных глаз ... **вызвали краску на нежные щеки** ее...* [М. Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836–1837)]

- (34) *...**Что вызвало кровь на эти бледные, похудевшие щеки?** что облило страстью эти нежные черты лица?* [Ф. М. Достоевский. Белые ночи (1848)]

- (35) *...**Меня обужало непостижимое малодушие, чуть не вызвавшее слезы на глаза**...* [Ю. В. Жадовская. В стороне от большого света (1857)]

- (36) *«**Все ли?**» — явился назойливый вопрос и **вызвал краску на побледневшее лицо** Пинегина.* [К. М. Станюкович. Женидьба Пинегина (1893–1903)]

- (37) *Последняя строка вызвала слезы на глаза* — слезы, как всё сегодня, как воздух, которым я дышала, были колючие. [Л. К. Чуковская. Спуск под воду (1949–1957)]

Речение *вызвать улыбку на лице* с семантикой результата и предложным падежом управляемого компонента сопоставимо с нематериальным осмыслением ситуации: *вызвать недоумение на сцене, дефицит на рынке, волнение на фестивале* (*вызвать*²; управляет внутренним объектом).

Во второй половине XX в. употребления с винительным исчезают. Сегодня они воспринимаются как ошибка.

Одна морфосинтаксическая валентность глагола может заполняться двумя ролями. К таким двойным ролям относятся, в частности, конечная точка и место: *повесить белье на веревку* — *повесить белье на веревке*.

«Сочетание с винительным падежом *на веревку* соответствует семантической роли КОНЕЧНОЙ ТОЧКИ, а сочетание с предложным падежом *на веревке* — роли МЕСТА, однако они заполняют одну и ту же — третью — валентность при глаголе *повесить*. Двойственность здесь заключается в том, что КОНЕЧНАЯ ТОЧКА и МЕСТО заполняют одну и ту же валентность и не могут выражаться одновременно. Однако при этом они сохраняют свое индивидуальное синтаксическое выражение и свою семантическую специфику» [Апресян 2017: 9].

Противопоставляя семантику директивного и локативного зависимых, В. Ю. Апресян указывает на предпочтительность предложного падежа при нецеленаправленном или непроизвольном перемещении, отмечает тяготение винительного к обозначению компактной поверхности и цели, а предложного — к передаче идеи объемного пространства и результата: *повесить на шею бусы* — *повесить объявление на рынке, выбросить на свалку* — *выбросить на свалке*. Фокусировка на процессе перемещения предполагает винительный, на локализации объекта — предложный: «Если реализуется роль КОНЕЧНОЙ ТОЧКИ (с винительным), фокус внимания чаще на том, что происходит с перемещаемым объектом; если реализуется роль МЕСТА (с предложным), фокус внимания чаще на том, что происходит с МЕСТОМ» [Апресян 2017: 18].

С этой точки зрения, устаревшее *вызвать улыбку на губы* предполагает фокусировку на целенаправленности действия,

подчеркивает его подконтрольность, намеренность, фиксирует внимание на самом процессе, а также на компактной поверхности, тогда как современное *вызвать улыбку на губах* допускает меньшую произвольность действия, включает фокусировку на локации и ставит акцент на восприятии результата.

Возможно, на закрепление варианта с предложным оказали влияние выражения *с улыбкой на губах / заиграла улыбка на губах, со слезами на глазах / выступили слезы на глазах*³.

3. Результаты опроса

Современная речь грамматически и лексически заметно отличается от дискурса позапрошлого века, как было показано в *Разделе 2*. Круг программного чтения школьника неизбежно складывается из частично герметичных для него текстов, понимание которых молодым читателем оказывается неполным или искаженным. С одной стороны, читатель выявляет в тексте конструкции и словоформы, потенциально ему понятные или с некоторой степенью вероятности понимаемые (дешифрируемые) при помощи контекста, но не включенные в активный речевой запас. Эти элементы при сфокусированном чтении в случае необходимости переводятся на современный язык, им подыскивается аналог в активном словоупотреблении. С другой стороны, ряд слов и конструкций ускользает из поля зрения читателя, оставаясь непроясненными. В соответствии с поставленной задачей обнаружить расхождения между актуальной речевой практикой читателя и традиционным образцом был определен круг классических текстов, содержащих конструкции и словоформы, вытесняемые из активного употребления в современном узусе. В ходе эксперимента старшеклассникам 16–17 лет, обучающимся по программе гуманитарного направления (47 участников для части 1 и 37 для части 2), было предложено проанализировать фрагмент повести И. С. Тургенева «Ася», обратив внимание на слова и выражения, которые не характерны для современной русской речи в целом и для привычной информанту речи (его собственной и его ближайшего окружения) в частности. Этим речевым единицам было предложено найти эквивалент в актуальной речевой практике школьника⁴.

³ На конференции «Русский глагол» это соображение было высказано И. Б. Иткиным.

⁴ Благодарим за помощь в проведении опроса С. Ю. Жукову (Пужаеву).

Анализ ответов показал стремление к упрощению морфемной структуры источника и сопутствующей нейтрализации специфических черт идиостиля, воспринимаемого как архаичный (*прехрошенький — красивый, захождение солнца — закат, камня — камни, трехугольный — треугольный, говаривалось — говорилось, напросишься — попросишь, хлебца — хлеба, отправляться — ехать, просиживал долгие часы — проводил много времени*), замену книжных, специфически метафорических наименований и лексики терминологического характера общеупотребительными или более частотными единицами устного словаря, включая мену паронимов (*подошва холмов — подножье холмов, ощущение злости — злость, почел долгом — счел долгом, окончить — закончить*), упрощение семантической структуры номинации, включая случаи затемнения в современном узусе ясной читателю прежних эпох внутренней формы слова (*коварный — хитрый, исключительно одни люди — только люди, лон-лакей — слуга, уязвила — ранила / кинула / оскорбила, чрезвычайно — сильно, искал уединения — хотел быть один, хороша собой — красива, любопытные памятники — красивые, замечательные собрания — интересные*), снижение экспрессии и отказ от высокого слога (*возбуждал во мне ощущение — вызывал у меня чувство, тотчас — сразу, наблюдать кого — смотреть за кем, поражен в сердце — сильно поражен*).

Архаичными старшекласнику представляются не только традиционно трактуемые словарями как устаревшие номинации (*толковать — говорить, башимак — ботинок*), но и стилистически маркированные (признаваемые книжными) речевые единицы (*минувших — прошедших, пожертвовав мною — предпочтя мне*), утратившие распространение экспрессивы, требующие замены в активной речи экспрессивами актуальными (*сбиваюсь в сторону — ухожу от темы, забавляло наблюдать — любопытно / прикольнo наблюдать, признаться сказать — честно говоря*).

Для перевода «с русского на русский» характерны такие явления, как смена глаголов, тяготеющих к статусу легких, то есть неполнозначных, тяготеющих к статусу служебных (*предаться чему — побыть в чем, завестись — возникнуть*), замена партитива каноническим винительным объекта (*искать уединения — уединение*), местоименного сочетания — наречием (*не для чего — незачем*). Опознавались в качестве устаревших следующие конструкции: прямая переходность, уступившая место косвенной (*наблюдать*

людей — за людьми), генитивная структура, уступившая место предложно-падежной локативной (*рана сердца — на сердце*), замена множественного числа единственным числом (*речи — речь*), глагольно-именного сочетания — придаточным изъяснительным (*почел долгом — решил, что должен*), предложно-падежного — наречием (*жить без оглядки — беззаботно*), варьирование падежа управляемого компонента при глаголах движения (*бежали на парусах — шли под парусами*).

Правке подвергались как особенности идиостиля, связанные с непрямым словоупотреблением (иронические, метафорические), так и общеречевые номинации, вытесненные из узуса к XXI в. (как правило, более конкретное наименование уступает место более обобщенному, лишённому части сем и коннотаций, что естественно при попытке дать толкование единице пассивного словаря).

Остановимся на одном примере ответа информантов подробнее. Действительно, согласно НКРЯ, пик употребления эпитета *прехорошенький* (с усилительным префиксом и уменьшительным суффиксом) приходится на 1840-е годы, по окончании десятилетия наблюдается постепенный спад вплоть до почти полного исчезновения в современности. Зафиксировано 368 употреблений. В романтическом дискурсе *прехорошенькими* были юные девушки, мальчики и вообще дети, в речи девушек и сентиментальных юношей — предметы, причем используется деминутив в роли определяемого (*холстинка, домик, супирчик* ‘тонкий перстень’), животные (*лошади*), герои (*Александр Македонский*), в речи молодых людей — детали женского облика (*талия, глазки, зубки*). Вероятно, слово архаизируется вместе с исчезновением сентиментального и романтического типажа, чей речевой портрет его включает, сохраняясь преимущественно в повторе *хорошенький-прехорошенький*.

Модель *усилительный пре-* + *уменьшительный суффикс -еньк-* реализуется вне повтора, согласно НКРЯ, в лексеме *премиленький* (127 вхождений, пики в 1830–1840-х гг.), остальные употребления единичны (далее слова расположены в порядке встречаемости первого упоминания при сортировке по дате создания текста с указанием в скобках количества и даты последнего упоминания): *преподленький* (2, последнее употребление в 1860-х), *преизрядненький* (1, последний раз в 1843), *превеселенький* (3, 1912), *прекоротенький* (4, 2007), *премаленький* (8 употреблений вне конструкции повтора, последнее в 1929), *превеженький* (1,

1851), *преузенский* (3 вне повтора, 1887), *предобренький* (4, 1992), *прекрасивенький* (1, 1862), *премолоденький* (4, 1867), *преавенантенький* ('милый, приветливый', 2, 1909, цитируется употребление 1866), *престройенький* (1, 1869), *преглупенький* (2, 1882), *прехуленький* (1 вне повтора, 1880), *превостренький* (1, 1894), *преуменький* (5, 1992), *прехитренько* (1, 1922), *претоненький* (2 вне повтора, 1926), *препоганенький* (1, 1929), *препестренький* (1, 1948), *престрашенький* (1, 2004), *преспокойненько* (23 вхождения с 1971 по 2009 год).

Пик употребления в коллекции всех слов модели приходится на середину позапрошлого века, затем следует неуклонный спад. В современном дискурсе актуализировалось одно нетрадиционное для предшествующих эпох употребление: *преспокойненько*. Очевидно, часть коллекции *пре-еньк-*лексем семантизируется в русле интенсифицированной ласкательности, зоной влияния префикса в этом случае представляется положительная субъективная оценка, сообщаемая суффиксом или корнем и суффиксом (*премиленький*, *престройенький*). Другая часть — собственно деминутивная, префикс интенсифицирует малый размер, заданный параметрическим корнем и усиленный суффиксом (в этом случае семантика уменьшительности передается трижды: *преузенский*, *претоненький*; на периферии этой зоны количественные, но не параметрические лексемы возраста: *премолоденький*, *пресвеженький*). Более слабым вариантом оказывается деминутивное прочтение суффикса при непараметрическом корне, где суффикс этикетно смягчает категоричность отрицательной оценки, заданной корневой морфемой, а экспрессивный префикс гиперболизирует негативное отношение говорящего к объекту речи (*преподленький*, *препоганенький*). Наконец, выделяется внешне оксюморонное прочтение сочетания параметрического корня и уменьшительного суффикса (*преизряденький*), при котором префикс и корень аугментивны, а функция деминутивного суффикса состоит в маркировании отношения говорящего к ситуации (в частности, в интенцию входит снижение категоричности, этикетное принижение сообщения), конструировании коммуникации с учетом адресата и создании собственного речевого портрета.

«Корпус XIX века» позволяет не только выявить исторические тенденции, связанные с распространением в речи носителей языка или вытеснением из употребления слов и конструкций,

но и сформулировать вопросы о причинах микродиахронических сдвигов, потенциально связанных с влиянием иноязычных аналогий, расширением или сужением сочетаемости слова, его поли- или монореферентностью на разных этапах функционирования, правилами наполнения позиций в синтаксической модели и заполнения слотов в грамматической конструкции, изменением сценария глагола (в частности, сменой его транзитивного статуса с переходного на непереходный и наоборот), изменением позиции относительно описываемой реальности носителя состояния или оценки, наблюдателя, исполнителя действия.

В результате проведенного исследования обнаружены некоторые микродиахронические сдвиги в употреблении глагольных конструкций (в частности, управление в оборотах (а) *вмешаться в толпу* и (б) *вызвать улыбку на ее губы*; видо-временная характеристика глагольных форм в выражениях (в) *немного спустя уже сама заговаривала*, (г) *овладевает, когда они вообразят* и (д) *глаза медленно обратились*), связанные с аспектуальными и акционсартными (связанными со способами глагольного действия) характеристиками глагольной словоформы и ее сочетаемостью (ср. в опросе *напросишься и попросишь, говоривалось и говорилось, бежали на парусах и шли под парусами*), изменением в управлении глагола (ср. в опросе *наблюдать кого или за кем*), а также семантические сдвиги в употреблении глагола, прилагательного, предложно-именных сочетаний. Наблюдения основаны на анализе текста И. С. Тургенева, опросе школьников и проверке по коллекции Национального корпуса русского языка.

Литература

- Апресян 2017 — В. Ю. Апресян. Двойные семантические роли в исходных и переносных значениях многозначных глаголов // Вопросы языкознания. 2017. № 2. С. 7–32.
- Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.
- Виноградов 1999 — В. В. Виноградов. История слов. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999.
- Рахилина и др. 2016а — Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян, М. А. Бородинина. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX в. // Г. И. Кустова, А. А. Пичхадзе (отв. ред.). Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов

- Международной научной конференции 30 мая — 1 июня 2016 г. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2016.
- Рахилина и др. 2016б — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, М. А. Бородинна. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Вып. 10. С. 242–255.
- Рахилина 2017а — Е. В. Рахилина. *Говорю я, Карл...* // В. П. Селегей (научн. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог-2017». Вып. 16. Т. 2. М.: Издательский центр «Российский гос. гуманитарный ун-т», 2017. С. 384–392.
- Рахилина 2017б — Е. В. Рахилина. «Не хотите ли подбавить рому?»: о нестандартном Лермонтове (электронный документ). Доклад на научном семинаре школы лингвистики ФГН НИУ ВШЭ. 2017. URL: <https://ling.hse.ru/news/201379660.html> (дата обращения 24.12.2019).

Источники

- Абрамов 1999 — Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999.
- Александрова 1986 — З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1986.
- Апресян 2014 — Ю. Д. Апресян (ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Бабенко 1999 — Л. Г. Бабенко (ред.). Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-Пресс, 1999.
- Евгеньева 1970 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь синонимов русского языка. Т. 1. М.: Наука, 1970.
- Ефремова 2000 — Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
- Кузнецов 1998 — С. А. Кузнецов (ред.) Большой толковый словарь. СПб.: Норинт, 1998.
- МАС 1985 — Словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1985.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка.
- Ожегов 1986 — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.
- Ожегов, Шведова 2010 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2010.
- Тургенев 1858 — И. С. Тургенев. Ася // Современник. 1858. Т. 67.
- Тургенев 1978 — И. С. Тургенев. Ася // Собрание сочинений. В 12 томах. Т. 6. М.: Худож. лит., 1978.

- Тургенев 1980а — И. С. Тургенев. Ася // Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Сочинения. В 12 томах. Т. 5. М.: Наука, 1980.
- Тургенев 1980б — И. С. Тургенев. Ася. М.: Детская литература, 1980.
- Ушаков 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935.

References

- Apresyan 2017 — V. Yu. Apresyan. Dvoynye semanticheskie roli v iskhodnyh i perenosnyh znacheniyah mnogoznachnyh glagolov [Double semantic roles in the original and portable values of multivalued verbs]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2017. No. 2. P. 7–32.
- Bondarko 1971 — A. V. Bondarko. Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie) [Type and time of the Russian verb (meaning and use)]. Moscow: Prosveshchenie, 1971.
- Rahilina 2017a — E. V. Rahilina. *Govoru ya, Karl...* [*I say, Carl!*]. V. P. Selegey (sc. ed.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii. Po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog-2017»*. Vyp. 16. T. 2 [Computer linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International conference “Dialogue-2017”. Iss. 16. Vol. 2]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing House, 2017. P. 384–392.
- Rahilina 2017b — E. V. Rahilina. «Ne hotite li podbavit romu?»: o nestandardnom Lermontove. Doklad na nauchnom seminare shkoly lingvistiki FGN NIU VShE [“Do not you want to add rum?”: About non-standard Lermontov. Oral presentation at the scientific seminar of the school of linguistics, Faculty of Humanities HSE]. 2017. Available at: <https://ling.hse.ru/news/201379660.html> (accessed on 24.12.2019).
- Rahilina et al. 2016a — E. V. Rahilina, V. A. Plungian, M. A. Borodina. «Taman segodnya»: korpusnoe issledovanie russkogo yazyka XIX v. [“Taman Today”: case study of the nineteenth-century Russian language]. G. I. Kustova, A. A. Pichkhadze (eds.). *Grammaticheskie processy i sistemy v sinhronii i diahronii. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 30 maya — 1 iyunya 2016* [*Grammatical processes and systems. The Book of abstracts of the International scientific conference 30 May — 1 June 2016*]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2016.
- Rahilina et al. 2016b — E. V. Rahilina, T. I. Reznikova, M. A. Borodina. «Taman segodnya»: korpusnoe issledovanie russkogo yazyka XIX v. [“Taman Today”: case study of the nineteenth-century Russian language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2016. Iss. 10. P. 242–255.

Vinogradov 1999 — V. V. Vinogradov. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: Vinogradov Institute of Russian language, 1999.

Sources

- Abramov 1999 — N. Abramov. *Slovar russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* [The dictionary of Russian synonyms and expressions close to them in meaning]. Moscow: Russkie slovari, 1999.
- Aleksandrova 1986 — Z. E. Aleksandrova. *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [The dictionary of synonyms of Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, 1986.
- Apresyan 2014 — Yu. D. Apresyan (ed.). *Aktivnyi slovar russkogo yazyka* [The active dictionary of Russian language]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014.
- Babenko 1999 — L. G. Babenko (ed.). *Tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [The explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-Press, 1999.
- Efremova 2000 — T. F. Efremova. *Novyy slovar russkogo yazyka Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* [The new dictionary of Russian language. Explanations and derivations]. Moscow: Russkiy yazyk, 2000.
- Evgenyeva 1970 — A. P. Evgenyeva (ed.). *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [The dictionary of synonyms of Russian language]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1970.
- Kuznetsov 1998 — S. A. Kuznetsov (ed.) *Bolshoy tolkovyy slovar* [The big explanatory dictionary]. St. Petersburg.: Norint, 1998.
- MAS 1985 — *Slovar russkogo yazyka* [The dictionary of Russian language]. Vol. 1–4. Moscow: Russkiy yazyk, 1985.
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [The national corpus of Russian language].
- Ozhegov 1986 — S. I. Ozhegov. *Slovar russkogo yazyka* [The dictionary of Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, 1986.
- Ozhegov, Shvedova 2010 — S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of Russian language]. Moscow: Oniks, 2010.
- Turgenev 1858 — I. S. Turgenev. *Asya* [Asya]. *Sovremennik*. 1858. No. 67.
- Turgenev 1978 — I. S. Turgenev. *Asya* [Asya]. *Sobranie sochineniy. V 12 tomakh* [Collection of works. In 12 volumes]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978.
- Turgenev 1980a — I. S. Turgenev. *Asya* [Asya]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 30 tomakh. Sochineniya. V 12 tomakh* [Complete works and

- letters. In 30 volumes. Works. In 12 volumes]. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1980.
- Turgenev 1980b — I. S. Turgenev. *Asya* [Asya]. M.: Detskaya literatura, 1980.
- Ushakov 1935 — D. N. Ushakov (ed.) *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of Russian language]. Vol. 1. Moscow: OGIz, 1935.